

въ мірѣ, которое имѣетъ въ глазахъ его истинную цѣну, но въ тоже время совершенно овладѣть ею, такъ чтобъ она всецѣло принадлежала ему,—таково было его представленіе объ узакъ, которыя должны были соединить его съ Маріонъ Фай. Такъ какъ любовь его доставляла ей отраду, невозможно, чтобъ она когда-нибудь не отозвалась на его призывъ.

Кое-что изъ этого и она замѣтила и поняла, что ей необходимо сказать ему всю правду. Она это сдѣлала въ очень немногихъ словахъ: «Мать моя умерла; всѣ мои братья и сестры умерли. Я также умру въ молодости».

Что могло быть проще этихъ словъ, но какъ сильны они были въ своей простотѣ! Онъ не рѣшался сказать, даже про себя, что это не правда, что этого не должно быть. Можетъ быть, она и уцѣлѣетъ тамъ, гдѣ другіе не уцѣлѣли. На этотъ рискъ онъ готовъ былъ идти, готовъ былъ сказать ей, что все это она должна предоставить Богу. Такъ онъ, конечно, и поступить. Но онъ не можетъ сказать ей, что нѣтъ основаній опасаться. «Если намъ суждено жить—будемъ жить вмѣстѣ, если умереть—умремъ, такъ скоро одинъ послѣ другаго, какъ только возможно. Намъ положительно необходимо одно—сойтись». Вотъ что онъ теперь ей скажетъ.

Въ этомъ настроеніи онъ возвратился въ Гендонъ, собиравшійся немедленно отправиться въ Голловей, чтобъ на словахъ объясниться съ Маріонъ. Его остановила записка квакера.

«Мой дорогой, молодой другъ,—писалъ старикъ,—Маріонъ поручила мнѣ передать тебѣ, что мы нашли полезнымъ, чтобъ она отправилась, на нѣсколько недѣль, на морской берегъ. Я отвезъ ее въ Пегвель-Бей, откуда могу каждый день пріѣзжать къ себѣ въ контору, въ Сити. Послѣ вашего послѣдняго свиданія она была не совсѣмъ здорова, не больна, собственно говоря, но взволнована, что вполне естественно. Я повезъ ее на морской берегъ, по совѣту докторовъ. Она, однако, проситъ меня передать тебѣ, что бояться нечего. Тѣмъ не менѣе, лучше было бы, по крайней мѣрѣ на время, избавить ее отъ волненія, сопряженнаго съ свиданіемъ съ тобою.

«Твой вѣрный другъ Захарія Фай».

Записка эта его смутила, а въ первую минуту сильно разогорчила. Ему захотѣлось полетѣть въ Пегвель-Бей и лично убедиться, въ какомъ состояніи она дѣйствительно находится. Но по зрѣломъ обсужденіи онъ понялъ, что не смѣетъ этого сдѣлать вопреки приказанію квакера. Пріѣздъ его, безъ всякаго сомнѣнія, взволнуетъ ее. Онъ вынужденъ былъ отказаться отъ этой